

А.Ф. ЧЕБЫКИН

**ОТ АЛТАЯ
ДО БЕРЛИНА**

12+

Александр Федорович Чебыкин

От Алтая до Берлина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63731022

SelfPub; 2021

Аннотация

Автор повествует о судьбах участников Великой Отечественной войны. Чувства, эмоции, любовь, слезы все пронесено через десятки лет и передано в каждой главе, строчке. Это настоящие истории, без художественных преукрас. Мы должны гордиться своим народом и его стойкостью.

Содержание

Испытания	4
Оса	4
Род Чугаевых	10
Военное лихолетье	19
У власти	22
Пермь	27
Сарапул	31
Армейская выучка	35
Передовая	38
Одиночный ночной бой	46
Бой за высоту 378,2	53
Боль	60
Танковая атака	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Александр Чебыкин

От Алтая до Берлина

Испытания

Оса

В лето 1164 года князь Андрей Боголюбский, как только сошел лед с Клязьмы, с дружиной в пять тысяч воинов на легких судах пошел к Волге, сначала по Клязьме, потом по Оке. Через неделю приплыл к устью Оки. Еще через неделю вышел к слиянию Волги с Камой. Удивился, когда узнал, что после слияния река называется не Камой, а татарским именем Штиль, хотя Кама была полноводнее и быстрее. Покорив прибрежные поселения болгар, Андрей отправил к болгарскому кагану послов с требованием, чтобы они признали себя подданными Владимиро-Суздальского княжества и право беспрепятственного прохождения торговых людей в пределах его владений. Приход дружины Андрея Боголюбского оказался неожиданным, к сопротивлению правитель готов не был – шли весенние посевные работы. Людей было трудно собрать для отпора. Болгарский каган согласился со всеми условиями, так как дань была невелика, а проход и охра-

на княжеских кораблей ему были выгодны. Торговля всегда приносила прибыль, если даже не взимали откупные. С Запада привозили добротные товары: сукна, оружие, предметы обихода и дорогую утварь.

Купеческие караваны оживляли жизнь края, особенно прибрежных поселений. Жители на европейский лад лепили печи и к ним прилаживали трубы из обожженной глины. В окна вставляли слюду, а не бычьи пузыри. Слюду везли с верховьев Камы. Каган пригласил Андрея Юрьевича во дворец как дорогого гостя. Князь от приглашения отказался, зная коварство восточных правителей.

Он решил подняться вверх по Каме, зная, что эти земли богаты пушниной, хлебом, железом и солью. Изделия из железа с верховьев Камы славились и ценились у русских князей. Если вниз по Волге в период весеннего половодья челны, подгоняемые мощным течением, неслись со скоростью ветра, который дул с далекой Атлантики, то вверх по Каме движение застопорилось. Через сутки гребцы выбились из сил, хотя паруса надувались южным ветром. Сильное течение сносило лодки. За день продвинулись на расстояние не более десяти верст. Пришлось причалить к заросшему дубняком островку и переждать пока сойдет паводок. Неделя пошла на пользу. Починили и пересмолили лодки. Привели в порядок одежду, оружие. Сложили в пещере каменку, натопили, разогрели камни докрасна, нагрели воды в котлах. Вымылись, напарились молодыми вениками из дубняка.

Вода спала. Ночи стали теплее. Поплыли вверх. Южный ветер усилился, и весла легко выдергивались из воды. Лодки заскользили бойчее. За день проходили более двух десятков верст. Останавливались, чтобы в селах поменять изделия владимирских мастеров на каравай хлеба, баранину и сметану. Через две недели на левом берегу, на мыске, *увидели* поселение, обнесенное бревенчатым частоколом, высотой до трех сажен. Остановились. Увидели, что на сторожевой вышке повалил густой дым. В селении слышались глухие удары железа. Через несколько минут на стене стали появляться в островерхих шапках люди, размахивающие боевыми топорами.

Несколько стрел впилося в борта лодок. Андрей встал на нос лодки, взмахнул плащом. Стрелы перестали чёкать в щиты. На стене прибавлялся народ, вскоре воины стояли вплотную друг к другу. Князь заметил, что среди мужчин было много женщин. Отправил делегацию, чтобы поведали, что приплыли не разбойники и не вороги, а дружина князя владимирского, которая пришла с почестями и уважением по разрешению правителя Булгарии.

Долго объяснялись. Необходим бы толмач. Андрей спросил: «Кто из воинов знает другие языки»? Набралось около десятка человек. Некоторые знали мордовский, черемисский, зырянский, вогульский, вотякский, болгарский, половецкий языки. В селении большинство населения оказалось вотяками и булгарами. Хотя люди были разноязычны,

но говорили на смешанном болгарско-угорском. Более толковым оказался знаток вотякского языка. Выяснили, что у них нет князя, а только выборный старейшина и болгарскому хану они не подчиняются. Живут вольно.

Расселились углами. В одном углу живут хлебопашцы, в другом – лесорубы, в третьем – ремесленники, а в четвертом -промысловики-охотники, которые не только ходят на зверя, но и берут откупные с проходящих караванов, а если те не платят, то потрошат их. Часть добычи поступает в общий котел. Мужчины от 18 до 60 лет обязаны носить оружие и по первому зову вставать на защиту поселения. Два раза в году (весной и осенью) проводятся военные игры. Вера у всех разная. Есть буддисты, иудеи, христиане, магометане, но большинство – язычники, веруют в солнце, ветер, звезды. У христиан своя часовенка. Язычники поклоняются старому дубу на поляне, за околицей.

Городок называется Оса. Язычники считают, что на этом месте вдоль реки была осиновая роща, отсюда и название реки Осинка. Другие убеждены, что место это на взгорке как осиное гнездо. Сначала тут обосновались разбойники, которые «жалили» словно осы проходящие караваны. Булгары доказывали, что это от болгарского слова «оса» – река. Позже на гербе города Осы появился улей с летающими пчелами. Это соответствовало действительности – в лиственных лесах водилось много диких пчел.

Местное население занималось бортничеством. Рассказы-

вали, что в последнее время несколько раз из степей налетали полчища татар, разоряя окрестные села. Молодых девчат и парней уводили в полон.

Старейшина городка просил дружину остаться погостить, а в случае нападения татар и помочь отбиться; наказать воров и отогнать их подальше, за каменный пояс. Гостили неделю, которая совпала с праздником летнего солнцестояния. Хотя поселенцы были разной веры, но праздновали сообща древний славянский языческий праздник Ивана Купалы. Гуляли на берегу Камы. Луг был покрыт густым травяным многоцветным ковром, на котором ярко-желтыми полянками сияла купавница.

Дружинники перезнакомились с молодежью, подружились с девушками. Старики уговаривали воинов остаться тут на жительство. Места кругом привольные: прекрасные пастбища, нетронутые леса, плодородная земля, полноводная река, в которой билась рыба, в болотцах крякали утки. Здешние места напоминали воинам Клязьму, Нерли, Каменку...

Проходившие в верховья Камы купцы сообщили, что новгородцы, пользуясь отсутствием князя, вторглись во Владимирско-Суздальскую землю. На закате солнца Андрей объявил сбор и сообщил, что завтра рано утром возвращаются домой. Полдюжины молодых воинов с десятником Матвеем Чугаём попросили разрешения остаться в городке. Князь по милости благословил их на новое место жительства. Матвей женился на бойкой зеленоглазой половчанке, и пошел от них

по Каме род Чугаевых.

Род Чугаевых

После подавления бунта Пугачева в Осу прибыл отряд регулярных войск. Дворянское ополчение не было распущено. Комиссия стала разбираться: «Почему Дворянское собрание не противилось решению коменданта сдать городок Пугачеву?» Екатерина II выразила недоверие Дворянскому собранию. Многие дворяне попали в опалу и вместе с крепостными были выдворены из Осы на необжитые земли по реке Тулве. Под общую гребенку попали и три брата Чугаевых, состоящие на службе со времен Ивана Грозного в гарнизонном отряде охраны и поддержания порядка. Называли этот отряд по-разному: официально - «стрельцы», в народе – «пищальники». Кроме гарнизонной службы занимались земледелием. Указом Екатерины II стрельцы, не принявшие активного участия в обороне, были лишены права проживания в черте городка и подлежали выселению.

Братья Чугаевы, Степан, Иван и Евламлий, покинули свое обжитое вековое подворье. Продавать строения не разрешалось. Усадьбы передавались в пользование новых наемных стрельцов. Охочих до этого людей было предостаточно.

Степан, Иван были семейными и безропотно отправились на новое место жительства. Евламбий – молод, задирист, кряжист, силищи на десятерых. Приехали казаки с Исетской линии, заманивали: «Примем в казачьи станы, приезжайте.

Земли и у нас много, рыба в реках не пуганная. Придется только маленько государыне послужить, в походах поучаствовать. Землю сибирскую обживать и сторожить. Хотя жалование невелико, но на прокорм хватит, а остальное сами приработаете». Степан и Иван на посулы не поддались, не понаслышке знали, что такое кочевая жизнь. Отвечали: «Будем обживаться тут».

На новом месте приходилось начинать с нуля. Рубили лес, благо на постройку он отпускался бесплатно. По лесам разбойничали остатки разгромленных пугачевских отрядов. Зимы выдались суровые. Избы пришлось рубить невеликие – большую зимой не натопишь. При топке печи «по-черному» тепло уходило в дымовые окна. Спасали полаты, на которых спали вповалку. Позже подъехало еще несколько семей с Осы. Постепенно образовалось небольшое поселение Денисово, названное в честь деда Дениса Чугаева. Земля была плодородной, рядом река Тулва, рыбная и светлая, кругом леса с большими полянами. Земли предостаточно. Постепенно стали обживаться, рубили дома-пятистенки с горницами и светелками. После отмены крепостного права молодежь уезжала в Осу, Сарапул, Пермь.

Евлампию не терпелось себя испытать и силу свою показать. Подался в казаки. После подавления восстания Емельяна Пугачёва яицкие казаки попали в опалу. Река Яик была переименована в Урал, потому и войско стало называться Уральским. Многие казаки были лишены казачьего звания и

переведены в крепостные или в государственные. Исетская и Уральская линии оказались оголенными.

Лошади у Чугаевых были добротные: и на выезд готовы, и в плуг. Евлампию выделили немолодого мерина, серого в черных яблоках. Сказали: «Бери, что есть, а хорошего у степняков отобьёшь». Желających набралось человек двести под командой урядника Дегтяря. По указанию губернатора отряд направился по Исети до впадения в Тобол. Обосновались в Устье. Благо река на берег после половодья выбрасывала леса предостаточно. Сооружали землянки – знали, что временно. На другой год Евлампий в отбитом табуне выбрал себе отличного жеребца, хотя императрица запретила казакам ходить в грабительские походы, а только охранять земли от набегов головорезов.

Продвигаясь, отряд наскочил на крупное кочевье ордынцев. В одной из юрт нашли русскую семью. Разговорились. Оказалось, эти люди были взяты в полон. Сначала были полурабами, потом прислужничали, а после пугачёвского восстания властелин дал им свободу, опасаясь, что такие, как они, – пленники и бедные ордынцы, могут тоже поднять мятеж, тогда и ему несдобровать. Два сына из ордынской семьи решили идти в казачий отряд.

Евлампию приглянулась их сестрица Ирина, девушка на выданье. Светло-карие глаза излучали тепло и нежность. Стройная, подвижная, веселая. Евлампий стал свататься. Старики отвечали: «Мы рады отдать, а то достанется како-

му-нибудь толстопузому баю, тогда пропадет с горя девка. Если сыновья идут с вами, то забирайте и нас». На том и порешили.

В Ялутровск возвращались большим обозом. Погрузили и войлочную юрту. Евлампий сначала протестовал, но старики его убедили: «Где первое время жить будем? В твоей землянке? Когда построим дом, как наши предки на Руси, тогда и подарим юрту проезжающим путешественникам, в ней зимой тепло, никакие ветры не продувают, а летом прохладно».

Родился сынишка – назвали Емельяном, в честь Емельяна Пугачева, за ним на свет появились дочурка Татьяна и сын Федос.

Прошло четыре года, из дома Евлампию – никаких весточек. Кругом болота. Летом походы и охрана. Мучали сырость и комарё. От жаркого солнца только духота. Зимой мороз да ветер. Пошёл к командиру отряда, стал проситься домой на Каму: «Невмоготу тут нам, дети постоянно болеют, старики перед смертью на Волгу хотят посмотреть, Русь повидать». Атаман ответил: «Большому – воля, на то мы казаки, – свободны. Только когда придешь домой – холопом станешь».

– Нет, слышал, что императрица смилостивилась над нами, мы в восстании не участвовали. Из крепостных нас в заводские перевела. Это не мёд, но и не крепостная зависимость.

Через четыре года Евлампий на двух подводах, нагруженных поклажей, прибыл в Денисово. Братья к этому времени обустроились и жили справно. Евлампий начал строиться. Старики смотрели за детьми. Степан и Иван с сыновьями помогали брату в работе. Ирина вскоре овладела топором и рубила в угол не хуже опытного мужика.

Филипп в семье у Евлампия был седьмым, старше его – три брата и три сестры. Рождались почти каждый год. После рождения Филиппа матушка на третий день скончалась. Бабка-повитуха не могла остановить кровотечение. Филипп фактически был предоставлен самому себе. Как вырос – одному Богу известно. В покос некому было пеленки заменить. Так и лежал в люльке до вечера, в мокрой едучей тряпице. Старшие братья и сестры разбегались, как только отец со стариками уходил из дома на работу.

Дети подрастали. Братьям рубили новые дома, женили. Сестер отдавали замуж, в девках не засиживались, были бойкие и работящие. Когда рубили последнему брату избу, Евлампий надорвался, тягаясь с бревнами, и слег...

В восемнадцать лет Филиппу пришлось жениться. Братьям дома строили с печными трубами, у Филиппа отцовская изба топилась по-старинке, по-черному. У соседей и братьев дети рождались каждый год, вперемешку: то девочка, то мальчик, а у Филиппа одни парни – шесть сыновей. Росли шустрые, озорные, непоседливые, драчуны. Носились по селу, как угорелые. В драке наваливались гамузом. Селя-

не прозвали их крикливыми филинятами.

Сыновья подрастали – женились, один Матвей при отце. Научился читать, увлекся книжками. После отмены крепостного права остался на земле. Женился рано. Имел четырех сыновей и дочь. Два его старших сына погибли в Первую мировую войну. При Матвее остались младшие два сына – Петр и Михаил. Петр рос смышленным, подвижным, темно-карие глаза искрились радостью, черный вихорок торчал на макушке, как гребешок молодого петушка.

В селе открыли церковно-приходскую школу на четыре класса. Хотя и считалась школа народной, но за обучение приходилось приплачивать. Оклады учителей были невелики. Словесность и Закон Божий вел отец Феодосии. Занятия проводились в доме священника, в двух смежных комнатах. Планировалось построить новое здание школы. А пока еле-еле набрали в первый класс пятнадцать человек. Крестьяне не хотели отпускать детей в школу, объясняя, что пахать, сеять, рубить лес грамоты не надо. Некоторых детей приводили в школу силой, с ревом и криком – заниматься не хотели.

Петр со слезами просился у отца в школу. Матвей Филиппович говорил: «Я самоучкой выучился грамоте, рад бы тебя определить в школу, да платить нечем». Петр каждое утро отправлялся к дому о. Феодосия. Смотрел в раскрытое окошко, как ученики рассаживаются за столы. Как только начинались занятия, Петруша подкатывал чурбак к окну, залазил на него, прятался за косяк и вникал в каждое сло-

во учителя. Когда при ответах ученики путались, Петруша не выдерживал и начинал подсказывать. Батюшка замечал за окном настырного паренька, но не прогонял. Прошел месяц, похолодало, окна стали закрывать. Петруша прикладывал ухо к стеклу и слушал. Пытался по жестам и движению губ улавливать смысл рассказываемого. Однажды в начале октября, после дождя, чурбак под мальчиком стал скользить по земле. Петруша потерял равновесие – свалился. При падении лбом разбил стекло. Вышел батюшка, велел зайти в дом. Матушка обмыла лицо от крови и попросила отца Феодосия, чтобы мальчишка посещал школу без доплаты.

Отец Феодосий сказал: «Сам вижу, что парнишка смысленный, есть тяга к знаниям, пусть передаст отцу, что принимаю в школу как примерного ученика». Как один день пролетели четыре зимы занятий в школе. Знания Петруша впитывал как губка. Каждый раз в базарный день просил у отца с матерью не сладостей купить, а книгу.

В семье у Матвея подрастала и дочка. Девочка была красивой. Женихи не раз дрались из-за нее на кулаках. Сватам отбою не было. Но выйдя замуж она умерла при родах.

Сыновей Матвей Филиппович решил оставить при себе. Построили дом с расчетом на две большие семьи с двумя парадными крыльцами с противоположных сторон дома, чтобы невестки не перессорились, а сыновья бы вели хозяйство отдельно.

Как только Петруша повзрослел, определили его писарем

в волость в Крылово. Писарь из него получился грамотный. Почерк аккуратный, документы составлял умело.

Петруша на играшках был заводилой. В схватках на кулачках равных ему не было, сказывалась хватка деда Филиппа. Девки на него заглядывались: роста среднего, а в плечах – косая сажень, кареглазый, волосы как смола черные.

Во всех увеселеньях он всегда оказывался рядом с Катей Баландиной. Катюша считалась первой красавицей на селе. Миловидное лицо, веселый нрав. Глаза – как два изумруда. Толстая коса, на висках завиточки. К тому же рукодельница непревзойденная.

Петруша постоянно тормозил отца: «Тятенька, посылай сватов, а то Катюшу отдадут за другого жениха, каждую неделю приезжают свататься».

Отец отвечал: «Посылал я весточки издалека, пробные, но Петр Баландин ответа не дает, хочет выдать за богатого, но и мы, Петр, не бедные, как восемнадцать стукнет – отправимся свататься».

Дважды Матвей Филиппович ездил свататься, но согласия не получил и отказа тоже. Катерина отцу и матери говорила: «В старых девах останусь, а кроме Петра Матвеевича ни за кого не пойду». Ее желание исполнилось как во сне.

Петру Чугаеву исполнилось девятнадцать, скоро идти в армию. Всеобщая повинность – 2 года. Наконец Петр Баландин передал через куму: «Пусть Чугаевы приезжают, но приданого большого не дам, братья молодым обжиться помогут.

Пусть Петр учится сам зарабатывать деньги, голова на месте, грамматишка при нем – не пропадут». Свадьбу играли по старинке. Неделю в Денисово гуляли стар и млад.

В 1913 году родился первенец – дочурка. Назвали Александрой.

Военное лихолетье

В июле 1914 года Петру исполнился 21 год. С призывом задержался – дали отсрочку из-за малого дитя. Но 1 августа все задумки рухнули: Германия объявила войну России. Через месяц Петра призвали. Как грамотного сразу определили в писарскую команду полка. Через два месяца назначили старшим писарем при штабе. В боях в Галиции, при Горлецком прорыве, сотрудники штаба не раз ходили в штыковые атаки, когда над полком нависла угроза окружения.

В 1915 году, когда русские войска оставили Польшу, Литву, Галицию, положение на Южном фронте стабилизировалось.

В 1916 году во время Брусиловского прорыва полк, в котором служил Петр Чугаев, оказался на острие удара. Настрой в войсках был боевой, хотелось быстрее освободить славянскую землю – Галицию от австро-венгров. В атаку рвались не только солдаты, но и штабисты.

После длительного марш-броска полк был контратакован егерским соединением, переброшенным с Центрального фронта. Часть попала в полуокружение. Было принято решение пробиваться вперед, так как полки дивизии слева и справа продвинулись далеко вперед. Командир полка велел расчехлить знамя; полковой оркестр поставил позади, штабистов распределил по батальонам, сам встал в строй рядом

со знаменем и после короткой артподготовки повел полк в атаку.

Немцы вызов приняли и двумя полками пошли навстречу. Русские солдаты дрались за братьев славян – родных братушек. За что немцы шли на смерть – неизвестно, наверное, под страхом повиновения. Масса людей столкнулась на вспаханном поле. Ноги увязали в пахоте, во рту пересохло. Но желание выгнать супостата с земли братского народа неперестанно бредило душу.

Крепко сбитый Петр ловко расчищал себе дорогу винтовкой, орудуя штыком влево и вправо. Немецкие егеря были вооружены короткими карабинами, и штыки их не доставали до Петра. Впереди вырос огромный детина. Размахивая палашом, он отбивал винтовки, затем колол. Махина в каске, с глазами на выкате, надвигался на Петра. Вместо того, чтобы колоть коротким (при этом винтовка крепко держится в руках), Петр сделал выпад вперед для длинного укола. Немец палашом нанес удар по цевью винтовки, она отклонилась, и штык Петра прошел рядом с левой рукой врага.

В это время здоровяк взмахнул второй раз палашом, и Петр почувствовал, как кто-то кипятком плеснул на левую руку и большой палец отлетел в сторону. Оттенированным движением он успел ударить прикладом в висок разъяренной морды. Немец покачнулся и присел.

Петр под свою команду: «Коротким – коли!» пронзил штыком врага и, навалившись всем телом, пригвоздил его

к земле. Кровь хлестала из искореженной руки. Пробежав несколько метров по инерции без винтовки, упал на колени. Подбежал друг Петр Пепеляев спросил: «Чугаев, что с тобой?» Увидел бледное лицо и кровь на руке, туго перебинтовал рану, приподнимая Петра, повел к санитарной бричке.

Когда подошли к автомагистрали, попали под артиллерийский обстрел. Справа от Петра Чугаева разорвался тяжелый снаряд. Его так шарахнуло воздушной волной, что он сбил с ног идущего слева от него Петра Пепеляева. Обоих завалило землёй. Первым очнулся Пепеляев. Он с большим трудом, с помощью санитаров доволол Чугаева до санитарной брочки. Позже, когда Петр Чугаев был в состоянии нормально оценить случившееся, он, находясь в госпитале, написал Петру Пепеляеву благодарственное письмо и, между прочим, сообщил о своем желании назвать его именем своего будущего сына.

У власти

Война для Петра закончилась. После обработки раны его отправили в полевой госпиталь, где пришлось лечить ревматизм и полиартрит, приобретенные на фронте. Через три месяца, в декабре 1916 года, Петр был комиссован и отправлен домой. Дома Петра ждали, он еще из госпиталя прислал весточку, где сообщил, что ранен и представлен к награде.

Пока Петр воевал, дочурка подросла, первое время показывала на Петра и говорила «дядя». Петра это раздражало. Еле-еле приучил называть его тятей.

Но когда в 1918 году родилась вторая дочь – Елизавета, то Саня не подпускала ее к отцу, без конца повторяя: «Это мой папа, а твоя мама».

Петр снова пошел работать в село Крылово писарем, не забывая, однако, помогать отцу обрабатывать землю.

Февральскую революцию 1917 года в Крылово встретили спокойно. Старшеклассники и молодой учитель математики бегали по улице и размахивали красной тряпичей, закрепленной на деревянных побитных вилах. Шли разговоры, что война с германцами скоро кончится, а мужикам передадут помещичью землю. Проходил месяц за месяцем, а изменений в жизни не было. В мае провели дополнительную мобилизацию.

Деревня Денисово опустела. Вернувшиеся с фронта изра-

ненные и искалеченные мужики говорили, что пора власть брать в свои руки и начинать делить землю.

Агитировали, чтобы новобранцы в армию не шли, а уходили в лес или уезжали в Пермь и там нанимались в артели, пока разберутся, кто ты и откуда, – война закончится. В октябре прошел слух, что в Петрограде снова революция, только другая, рабоче-солдатская, что появился какой-то Ленин, который возглавил власть и твердо заявил, что земля – крестьянам, фабрики – рабочим, а войне конец, что власть отныне будет принадлежать народу. Петр на этот раз перетрясся: вдруг его скинут – кому тогда будет нужен искалеченный инвалид. В деревне грамоту к плугу не привяжешь.

В ноябре из Перми в Осу прибыл теплоход, обмотанным красной материей, на которой белой краской было написано: «Вся власть Советам!» С парохода спустился отряд камских моряков. Из отряда отделились человек десять с красными повязками на рукавах бушлатов, уселись на брички и покатили в Крылово. Перед селом дали залп из винтовок по воронам, облепивших березовую рощу. Петр сидел в волостном управлении один. Управляющий с полицмейстером исчезли еще в октябре. Жизнь шла своим чередом. Люди женились, умирали, рождались дети, делали покупки недвижимости - надо было оформлять документы, просили Петра не покидать волостное правление.

Громко стуча сапогами, вошли в управу матросы. Пооткрывали двери, стали рыться в ящиках. Что искали? Петр

понять не мог. Вперед вышел человек в кожанке, с короткой бородкой клинышком, потребовал прекратить вакханалию. Спросил Петра: «Кто такой и откуда?» Петр обстоятельно рассказал, что он писарь управы. Был приглашен работать еще до войны. Воевал. Ранен. Показал руку. Отпущен с фронта по болезни. Люди попросили снова поработать в правлении. Работал и после первой революции, работает и в настоящее время, потому что больше некому.

Бородач показался Петру знакомым. Вспомнил, что когда на пароходе ходил в Пермь, то не раз спускался в трюм, чтобы посмотреть, как же движется такая махина против воды. Тогда и видел этого бородача, который командовал матросами в машинном отделении. Бородач спросил: «Где семья?» Петр ответил: «Жена и дочь живут в Денисово с его родителями. Отец хлебопашествует. Слава Богу, земли сейчас хватает, крестьяне не ждали указаний сверху, сами поделили помещичью землю». Бородач представился: «Платонов Иван Спиридонович, председатель ЧК по Осинскому уезду. Пока безвластье, как фронтовик-охотник будешь за старшего в волости». Через четыре дня избрали Крыловской волостной Совет и назначили Чугаева заместителем председателя. Через неделю в Крылово действовала Советская власть. Жизнь текла своим чередом. Как и раньше, Петр составлял списки добровольцев-призывников в Красную армию, вел гражданское делопроизводство.

Осенью 1918 года поползли слухи, что из Сибири к Ура-

ду продвигаются части белогвардейского генерала Колчака. Зимой они ворвались в Крылово, взяли Осу и продвинулись в сторону Вятки. На другой день в правление заскочили два офицера-белогвардейца. Орали: «Где тут краснопузые советчики?» Сбили доску, на которой было написано: «Крыловской Совет рабоче-крестьянско-солдатских депутатов».

Около правления собрался народ. Один из офицеров полез на крышу дома, к князьку, к которому был прибит красный флаг. Дергал, дергал и вместе с князьком полетел вниз. Хорошо, что крыша была невысокая, свалился на рябину, а потом в сугроб снега. Покарябал лицо, порвал мундир, помял бока, но кости оказались целы. Соскочил и стал шашкой рубить полотнище. Потребовал: «Давайте мне эту красную сволоочь!» Два солдата подвели дрожавшего Петра к унтер-офицеру. Бабы бросились защищать Петра. Кричали: «Вы кто тут такие? То красные, то белые, а он у нас при всех режимах добросовестно исполнял свой долг... Батюшка убег. Крестить детей и отпевать покойников некому. Пусть хоть писарь в книге гражданских актов записывает. Не безродными же нам быть». Старший офицер стал уговаривать напарника: «Успокойтесь, Владимир Константинович, кругом безвластие. Он какой-никакой, а представитель гражданской власти».

В конце января белые покинули Крылово. Вошли красные части под командованием Блюхера. А весной 1919 года в село вошли снова колчаковцы. История повторилась: за со-

трудничество с большевиками Петра повели на расстрел. По дороге его обогнал верхом на рысаке бывший управляющий. Узнал Петра, спросил у конвоиров: «Куда вы его тащите?» Те ответили: «Куда, куда! Знамо дело – в расход».

Управляющий обратился к офицеру, сопровождавшему колонну, и потребовал: «Прошу Вас немедленно освободить его. Какая чушь – нашли большевика! Это мой писарь, кроме бумаг и чернил он другого дела не знает, грамотный, добросовестный чиновник, таких по России поискать надо».

После окончательного разгрома колчаковщины жизнь в селе стала налаживаться. И все же возникали ситуации, когда Петр плакал: выгребали хлеб дочиста согласно директиве по продразверстке. Закончилась Гражданская война.

Очередной радостью для рода Чугаевых было рождение долгожданного мальчика в сентябре 1923 года. Его назвали Александром.

Петр Матвеевич в 1928 году заболел, ревматизм дал осложнение на сердце, физическим трудом заниматься не мог. Врачи предложили лечиться в Перми у ревматолога.

Летом 1929 года старшая дочь Саня вышла замуж за Сеюнина Григория Александровича и стала жить в деревне Кунжели Осинского района.

Пермь

В конце 1929 года зимой семья Петра Чугаева переехала в Пермь к тетке по материнской линии, у которой муж погиб в Первую мировую, а сын – в Гражданскую войну. Тетка Пелагея, боясь, что в большую квартиру кого-нибудь еще заселят, долго упрашивала племянницу Екатерину переехать в город. Обосновались в доме по улице Сибирской, напротив Центрального гастронома. У Шуры остались самые светлые воспоминания о Перми. Память сохранила большой базар – «Разгуляй». Площадь в воскресные дни заставлялась летом телегами, а зимой – санями. Летом привозили капусту, картошку, репу, редьку, масло, творог, сметану, мед; зимой – рыбу, мясо, коробка замороженного кружками молока, зерно, муку, дрова, сено. Распродав поклажу, мужики бежали покупать чекушки, подгульнув, прикупали поллитровки, а потом и бутылки. Гуляли до утра. Иногда до того разгуливались, что пропивали сбрую и лошадей. После загула просили ездоков из соседних деревень отвезти их домой, а иногда пьяные замерзали в санях. Лошади зачастую привозили к дому окоченевшего хозяина. Разгулы в основном случались зимой. Летом гулять некогда – торопились домой, как говорят на селе, летний день год кормит. Зимой мужики расслаблялись от летнего непосильного труда, поэтому и называли это торговое местечко «Разгуляй».

Шура наблюдал эти запойные картинки, когда прибегал с туеском за молоком. Бабы наливали молоко в туесок с верхом. Шура крышку от туеска на шнурочке вешал на шею. Обхватив туесок обеими руками, прижимал его к груди и нес домой. Молоко плескалось, рубаха намокала, поэтому Шура решил в пути отпивать молоко. Останавливался, ставил туесок на землю, присаживался рядом и начинал маленькими глоточками тянуть прохладное, густое, душистое молоко. Отпивал молока столько, чтобы свободно закрывалась крышка.

Когда матушка дома спрашивала:

– Шура, опять молоко тебе недолили?

Он отвечал:

– Долили, долили, даже выше краев. Это по дороге оно расплескалось.

– Как же оно расплескалось через крышку?

Шура краснел, опускал голову. Мать успокаивала:

– Да не переживай, сынок, если на пользу пойдет, очень будет хорошо. Расти быстрее будешь.

Шура улыбался и спрашивал:

– Мама, можно я на Каму сбегаю?

Ладно, сынок, сходи, только один – ни шагу, пусть дедушка Матвей сходит, посмотрит за тобой. В Каме вода бойкая, утащит тебя, невелик еще.

Шура выбегал во двор, засовывал четыре пальца в рот и пронзительный свист разрывал воздух душного двора, рас-

крывались окна, высовывались лохматые головы и в разнотой раздавались голоса: «Санька, мы сейчас!» И шумная вагата с визгом и криками напрямик по крутому спуску мчалась к Каме. Дед Матвей покрикивал: «Оглашенные, шеи свернёте, по тропинке спускайтесь, по тропинке!» Летели в сторону рубахи, старые разбитые ботинки. Прыгая по причаленным водой к берегу качающимся бревнам, голые тела шлепались в воду. Дед Матвей стоял на берегу с длинным багром и отталкивал бревна по течению, чтобы не мешали ныряльщикам.

Сколько было случаев, когда дети без присмотра убежали на Каму, попадали на крутящиеся бревна, падали между ними и погибали. Через полчаса Матвей подавал команду: «Суши весла, выплывай на берег!» Ребята четко исполняли команду деда: выпрыгивали на берег, плюхались на теплый песок, блаженно растягивались, давая отдых уставшим мышцам. Благодать...

Когда Елизавета училась в третьем классе, Шура начал читать букварь, решал задачи вместе с сестрой. В семье подрастала третья сестра – Ираида. Трое детей. Екатерина Петровна крутилась с утра до ночи. Пять человек (а с теткой и дедом – семь) надо было накормить, обстирать, досмотреть. Заработок Петра Матвеевича был невелик, еле-еле сводили концы с концами. Петр из-за инвалидности работал кладовщиком на дровяном складе. Здесь огромные штабеля леса. Лес привозили и увозили на машинах, на лошадях –

некогда было присесть. С работы приходил уставший и задумчивый. Что делать? Дети подрастали, комната, в которой они жили, стала тесной.

Летом 1932 года Петр решил съездить на родину, благо склад принадлежал пароходству и билет для него был бесплатный. Пароход шел из Перми до Казани. На палубе он случайно встретил начальника Осинского отряда ВЧК, который рекомендовал его писарем в Крылове Петр узнал его по бороде. Разговорились. Иван Спиридонович за это время окончил Московские курсы красной адвокатуры, после чего стал работать в Сарапуле. Петр обстоятельно рассказал о своем житье-бытье. Иван Спиридонович предложил: «Давайте, переезжайте в Сарапул. Знаю, по отзывам, человек ты порядочный, честный, грамотой владеешь, опыт работы огромный. Да и должность для тебя найдется, экспедитором на рейде, прежний проворовался. Зарплата раза в три больше.

Первое время поживете в бараке, зато жилплощадь получите такую, как положена большой семье».

Петр погостил у брата Михаила в деревне Денисово. Брат в колхоз вступил. Жизнью был доволен.

По возвращении в Пермь Петр рассчитался и отправился на пароходе с семьей в Сарапул.

Сарапул

Шура с опозданием на месяц пошел в третий класс.

В 1933 году в семье появился еще один братик, названный по предложению отца Петром.

Голодный 1933 год пережили сносно. Научились готовить еду из трав и корней. Иногда отец приносил рыбу, а муж Александры Григорий дважды привозил зерно, из которого варили кашу. Норма – две столовые ложки на человека. За бараком раскопали огород. К лету поспела картошка, морковь, брюква, горох. Шура с младшей сестрой Ираидой наслаждались в огороде бобами, морковью и огурцами. Петр Матвеевич ночью плел лапти, чтобы утром Екатерина Петровна пыталась их обменять на картошку или кусочек хлеба для семьи. Отец наладил удочки и на зорьке иногда вместе со старшим сыном рыбачили. На Кама ловили окуней, лещей, щук, пескарей, красноперок. Изредка попадалась на удочку стерлядь. Ее меняли на хлеб.

Кама манила. Шура в школе подружился с ребятами. Всем классом уходили на берег, играли, плавали на перегонки. В девятом классе решили определить: «Кто быстрее переплывет Каму». До половины реки плыли нос к носу, потом некоторые стали отставать. На середине реки течение потащило вниз по реке. Когда Шура подплывал к противоположному берегу, его друг Тихон Маслов махал с перевернутой лодки.

Лицо было испуганное. Головой вертел то в одну, то в другую сторону. Шура понял, что он не первый, кто выбился из сил. Смысл борьбы потерялся, он расслабился, быстрое течение потащило его. Нахлебавшись воды, еле-еле выбрался на берег. Отлежался. Пошел по берегу вверх по реке. Наконец часа через два пловцы собрались вместе. Тихон предложил: «Давайте возьмем лодку и поплывем в ней обратно». Шура запротестовал: «Лодка чужая, надо сбивать замки. А кто потом пригонит ее назад?». Он знал, что для многих семей лодка была кормилицей и предложил поискать хозяина лодки среди рыбаков, которые чинили рыболовные сети. И вскоре вместе с ним отправились к противоположному берегу.

Шура рулил умело и причалил лодку к тому месту, где пацаны оставили свою одежду. После этого кто-то из ребят крикнул: «Сашка Чугай – выручай!» Дело в том, что их одежды уже не было. За кустами нашли прикрепленную к оголенной ветке записку: «Одежда и обувь находятся на пристани у дежурного».

К десятому классу Саша Чугаев вытянулся, повзрослел. В зеленых глазах появился стальной оттенок. Стал задумываться. Родители быстро старели, часто болели. Сестра Елизавета уехала на учебу в Вятку. В семье из пяти человек было три школьника. Работал только отец. Иван Спиридонович частенько заходил к Петру Матвеевичу. Подолгу распивали чай, иногда после бани принимали на грудь. Иван Спи-

ридонович советовал Саше учиться на юриста: «Работа интересная, захватывающая. Она нужна народу. Будешь честно работать – будет уважение людей и начальства. Никто кляузу на тебя не напишет. Мне приходится разбирать тысячи заявлений, за каждой бумажкой судьба не одного человека. Не изучишь досконально, не сделаешь правильных выводов – сам попадешь в эту петлю. Работа требует осторожности, внимания и правдивости. Пока никто не высказал в мои адрес обиды. Пострадало много невиновных: в этом наша общая беда – как верхов, так и низов. В нас много накопилось вековой злости и бунтарства. Кончилась революция, а люди не успокоились. Я думаю, разум восторжествует, и человеческие отношения придут в норму.

Прошло совсем немного времени после потрясений. Не случились бы новые!»

В школе Саше Чугаеву учеба давалась легко, однако он учился старательно, знания впитывались как губка. Перечитал книги школьной библиотеки, записался в городскую. Приближались испытания на аттестат зрелости. Художественную литературу пришлось отложить, кроме рекомендованной по программе. Терпение и упорная учеба дали желаемый результат.

В таблице по всем предметам отлично. На торжественном собрании получил грамоту как лучший ученик школы и города. После выпускного вечера гуляли на Каме до утра. Ночь была теплая, звездная. Кама стремительно катила свои воды,

чтобы объединиться с Волгой в единую могучую реку. Мальчишки гурьбой спали на сеновале. Днем прибежал отец, стал тормошить ребят: «Беда, ребята. Война! Фашист напал на нас. Бомбят наши города!»

Повыскакивали. Побежали в школу. Школьный двор был заполнен учителями и старшекласниками. Появились директор школы Дмитрий Александрович Пикулев и классный руководитель Ольга Петровна Болкисева. С помостков объявил: «Вы знаете, что фашистская Германия без объявления войны напала на Советский Союз? Был в горсовете. Выпускникам школы, старшекласникам никуда не отлучаться из дома. Ждать распоряжений из райвоенкомата».

Но никто повесток ждать не стал, на второй день войны Александр Чугаев рано утром с друзьями из класса стоял у дверей военкомата.

Армейская выучка

На третий день Александр Чугаев прошел медкомиссию. В медицинской справке было написано: «Годен без ограничений».

25 июня 1941 года направили в Смоленское пехотное училище, перебазируемое на Западный Урал. Разгрузились. Маршем по раскисшей после дождя дороге двинулись в сторону села Дербешка. Разбили палатки, построили землянки и началась интенсивная учеба. По шестнадцать часов занятий в день. К вечеру ноги гудели, тело болело, глаза слезились, живот впал. Александр вытянулся, нос заострился, но на щеках оставался румянец – занятия проходили на открытом лесном воздухе. Минимум теории – максимум практики. Занимались новобранцами офицеры, имеющие опыт финской войны, но были и старые вояки – с Гражданской. Каждый старался в практику внести свое.

Пять месяцев сводки с фронта приходили одна тревожнее другой. Фашисты захватили Прибалтику, Беларусь, Правобережную Украину. Хозяйничали в Крыму, блокировали Ленинград, рвались к Москве. Наши войска отступали. А курсантов продолжали учить тактике наступательного боя. Когда в декабре стали приходить из госпиталей командиры, которые сражались под Смоленском и Вязьмой, стали учить умению создавать оборону или отступить с учетом особен-

ностей рельефа местности, вести бои в населенном пункте, уничтожать танки, преодолевать водные преграды, лесные массивы. Отрабатывали также тактику ведения боя в ночное время, ведение огня против авиации противника. Все это подготовило безусых восемнадцатилетних командиров к экзаменам в стенах военного училища. Однако каждый курсант знал: настоящие испытания будут впереди – в действующей армии, на полях сражений с врагом.

Учеба Чугаеву давалась легко, поэтому по теории и практике он получал одни пятерки.

По окончании военного училища он был оставлен в нем и назначен командиром курсантского взвода. Работа командира подчинена принципу «совершенствуйся, обучай курсанта также в совершенстве овладеть военным делом». В 1942 году старшая сестра Александра получила известие о гибели мужа Григория Александровича Сесюнина в боях под Ржевом. лейтенант Чугаев тяжело переживал потерю своего друга-наставника, вспоминал как Гриша помогал его семье зерном, спасая от голода в 1933 году.

В памяти сохранилась договоренность с Григорием Александровичем, состоявшаяся в июне 1941 года: при гибели или ранении одного из нас, второй должен поехать на фронт на смену первому. Что было то было!

После неоднократной просьбы лейтенант Чугаев в 1943 году был направлен в действующую армию.

Чугаев задумывался и никак не мог понять, почему чело-

век должен убивать другого человека. За что? Разве для этого растят детей, обучают их. Родители надеются, что в старости будет помощь, а тут война с бесчисленными жертвами.

Человек, не оставив о себе памяти в сердцах потомков, должен убивать подобного себе. Почему народ большого технически развитого государства поддался бредовой идеологии, что немцы – высшая раса, которая должна верховодить, а другие народы находиться в рабстве? Откуда это и как утвердилось в человеке? Немцы называют себя христианами, но нет этого в христианском учении, там основной постулат – нести людям добро. С такими мыслями ехал в теплушке молодой лейтенант на Западный фронт. Думал: «Придут сотни таких выпускников из других училищ, и ситуация на фронте резко изменится, потому что они знают, как воевать в новых условиях против страшного врага, и будут умело защищать свою Родину». Но до победы было еще ох как далеко! И тысячи таких безусых юношей останутся навечно на полях сражений, защищая свое Отечество, свой образ жизни.

Передовая

Март 1943 года. Западный фронт. Калужская область.

Чугаев раздвинул полог палатки и вошел в землянку. Убранство землянки удивило. На задней стенке был закреплен военно-морской флаг. От потолка на куске проволоки свисала лампа-десятилинейка.

За столом из необструганных досок сидели четыре человека. Среди них одна женщина с распущенными до плеч волосами. Она постоянно хватала трубки телефонов, что-то записывала в толстый журнал и громко разговаривала с рядом сидевшим командиром, который что-то чертил на карте, разложенной на столешнице. Справа у стены – раскаленная чугунная печь, перед ней ящик, наполненный углем. Слева на табуретке расположился капитан в расстегнутой гимнастёрке, из-под которой виднелась тельняшка. Рядом с капитаном стоял старший лейтенант.

Чугаев стушевался – кому докладывать. Капитан догадался, почему смутился молодой офицер. Заикаясь, громко пробасил: «Ко мне обращаться, ко мне! Я тут старший». Чугаев заметил, что лицо капитана иссечено шрамами, правый глаз не прикрывается веком и как бы сверлит тебя. От такого тяжелого взгляда Чугаеву стало не по себе.

Приложил руку к ушанке, а слова не шли, застряли где-то. Пауза затягивалась. Старший лейтенант оторвался от карты

и проговорил: «Лейтенант, успокойтесь. Я знаю, что Вас смутило заикание командира, это у него после контузии. Повоюете, тогда узнаете, что лучшего командира роты во всей дивизии нет. Солдаты за ним в огонь и воду».

Чугаев почувствовал, как по спине потекли капельки пота, может от тепла, а может от незнакомой обстановки. Доложил: «Товарищ капитан! Лейтенант Чугаев прибыл в Ваше распоряжение», – и снова замолчал, разглядывая командира. Тот предложил ждать свой взвод здесь, на КП, так как бойцы взвода проходят очередную санобработку и моются в бане. Попросили рассказать о службе в армии. Чугаев кратко сообщил о себе. Затем разговор повел командир роты, капитан.

Ну что, лейтенант, примолк. Вас удивляет, что капитан командует ротой. Был командиром батальона, а когда из окружения под Можайском вывел горстку бойцов своего батальона и доложил командиру дивизии, что капитан Овчаренко вывел из окружения 56 бойцов, то он спросил: «Капитан, а где остальные?» Я ответил: «Пали смертью храбрых при защите своей Родины – Союза Советских Социалистических Республик».

А Вы остались живы, – возмутился комдив, – солдаты Ваши погибли, а Вы тут. Здесь и на роту не тянет. Пока покомандуйте ротой, батальон Вам рановато доверять.

Как видишь, лейтенант, я вроде бы и не штрафник, а вину надо искупать. Знакомьтесь, мой заместитель Рогожин.

Старший лейтенант расскажет о Вашем взводе. Вчера командира взвода, старшину, убило. Толковый был командир, в Финской компании еще участвовал. Ругаю себя, что не убе-рег. Солдаты в этом взводе опытные, некоторые воюют с на-чала войны, есть и кадровые. Пороху понюхали достаточно. Береги их, и они тебя будут беречь. Полгода учебы в учили-ще – это немного, но для умной головы достаточно. Успехов тебе, лейтенант. Годков-то сколько?

Девятнадцать лет и шесть месяцев.

– Я думаю, не в годах дело, а в голове. Ну, с Богом!

Заместитель командира роты Рогожин выбрался из-за стола, головой уперся в потолочный настил. Закашлялся. Обратился к Чугаеву.

– Это я простыл маленько. Хриплю. А то солдаты смея-лись: росту около двух метров, а голосок писклявый. Ничего не поделаешь, такого родители сляпали. Пойдем, познаком-лю Вас с Вашим взводом. Поредела рота Овчаренко. Ждем пополнение... Военно-морской флаг заметили в землянке? Это флаг с его катера – фашисты потопили в рижском зали-ве. Сейчас воюет в пехоте. Флаг – это его реликвия. Ты по-роху еще не нюхал?

– Нет, пока не пришлось. Разве что попадали под бом-бежку. Обошлось. Ястребки отогнали фашистов. Не дали им возможности провести прицельное бомбометание. Правда, вагоны сильно изрешетило осколками. В основном все успе-

ли выскочить, однако жертвы были.

Зашагали вдоль окопа. Спутнику пришлось сгибаться в три погибели. Немцы заметили движение по окопу. Открыли огонь из крупнокалиберного пулемета. Пули зацокали о комья мерзлой земли. Повернули вправо, зашли в землянку.

Заместитель командира роты приказал исполняющему обязанности командира взвода выставить дополнительные дозоры, а остальным собраться в землянке. Минут через десять землянка заполнилась бойцами. Представил нового командира взвода. Солдаты попросили немного рассказать о себе. Потом Чугаев стал спрашивать солдат. Нашлись земляки: по одному с Кунгура и Соликамска. Это города родного Урала.

Старший лейтенант предупредил: «Наступление на Вашем участке застопорилась. Для Вас главная задача – вгрызаться в землю. Чем глубже в земле – тем больше жизней сохраним».

Чугаев быстро входил в обстановку. Знакомился поименно с бойцами. Прислушивался к мнению старых солдат. Каждый день собирал бойцов в командирской землянке. Составил расписание занятий. Тщательно готовился к ним. В вещмешке лежали конспекты, которыегодились. Скрупулезно отработывал темы: «Отделение в обороне и наступлении, минирование и разминирование». Особое внимание обращал на взаимовыручку в бою, умение оценить действия противника. Как показало время, в его взводе всегда было мень-

ше потерь.

На пятый день во взвод прибыл командир роты с командиром полка. Взводу была поставлена задача: обеспечить проход полковой разведки в тыл противника и прикрыть ее в случае обнаружения; дали отделение саперов.

Взвод отвели в тыл, где два дня отрабатывали задачи на случай любой ситуации. На третью ночь группа сосредоточилась, готовая к выполнению задания. У каждого солдата в вещмешке два запасных диска к автомату, две гранаты, фляжка со спиртом, перевязочный пакет.

Нейтральная полоса метров семьсот. Немцы на высотках, а наши на гребне, между ними лощина, по которой течет речушка. В случае обнаружения разведчиков взвод должен занять оборону и вести бой с противником, прикрывая разведчиков, пока они не выполнят боевую задачу, в крайнем случае, ворваться в окопы и обеспечить взятие языка, только после этого отходить.

Два часа ночи. Первыми пошли саперы, за ними бойцы взвода прикрытия, потом разведчики. Ночь была удачная – темень кромешная. Небо затянуто тучами. Ни луны, ни звезд.

Зловещее место очередного прохода саперы ликвидировали. Пошли еще медленнее. До речушки двигались пригибаясь. До этого саперы быстро находили проходы, расставляя вешки из еловых прутьев.

До реки мины ставили наши, а за рекой – противник. До

речушки добрались спокойно. Положив длинные жерди, переправились на ту сторону. На противоположном берегу Чугаев обнаружил растяжку между двух кустов и почувствовал, как страх стал пролезать за шиворот фуфайки. Ползли по глубокому снегу, упираясь носом в пятки впереди ползущего. Перед землянкой насыпью на наружной стороне немецкого окопа, метров за двадцать, остановились. Мин впереди не было. Расползлись вправо и влево. Перетерпелось. Стал осматриваться. Внимательно изучил бруствер, от него в нашу сторону дул ветер. Слух был до того напряжен, что слышались шаги часового около немецкого блиндажа.

Вдруг на правом фланге поднялась суматоха. Небо оза-рилось линиями трассирующих огоньков. Стреляли с той и другой стороны. Взлетали вверх десятки осветительных ракет. Противник впереди тоже стал пускать ракеты и стрелять из пулемета в нашу сторону. Суматоха как началась, так и оборвалась внезапно.

Чугаев подумал: «Наверное, разведка соседней дивизии напоролась на противника или группа захвата языка выдала себя. На разведку боем непохоже». И снова звенящая тишина. Чугаев почувствовал, как коченеет. Начал шевелить пальцами ног в валенках. Хотелось достать фляжку со спиртом, но шевелиться строго запрещено. Прошло минут сорок. Кто-то толкнул его в бок. Увидел, как два бойца тащили плащ-палатку, на которой лежал увязанный фашист, третий толкал сзади. За ними проползли еще трое. Чугаев два-

жды толкнул бойца рядом, тот другого и так по цепочке. Это сигнал команды – отходить. Обрадовался больше тому, что можно двигаться. Проползли до речки. Переправились. Командир группы саперов передал: «Двигаться к окопам, мы поставим мины на свои места». Когда были рядом со своими окопами, со стороны противника полетели осветительные ракеты, видимо, обнаружили исчезновение часового.

Начался интенсивный обстрел от речки до окопов. Били крупнокалиберные пулеметы, затем ударили батальонные минометы. Чугаев успел подать команду: «Бегом в окопы». От разрывов мин куски мерзлой земли били по телу. Сзади кто-то вскрикнул. Чугаев повернулся. На снегу лежал сапер с миной в руках.

Попросил: «Помоги поставить мину. Чувствую, что осколок просадил грудь». Мину поставили. Сапер тихо проговорил: «Давай двигай к окопам, я тихонько приползу».

Чугаев настоятельно потребовал: «Держись за поясной ремень, попробуем двигаться». Затащил раненого сапера в окоп. Подскочил санинструктор.

– Давайте затащим раненого в землянку, надо срочно сделать перевязку, а потом в медсанбат.

Проверив, что бойцы вернулись, Чугаев присел на корточки в окопе. Чувствовал какую-то опустошенность.

Доложил, что взвод выполнил задачу, что потеря не было, но один сапер ранен в грудь. Из-за тучи вынырнула полная луна и осветила местность. Окружающие предметы выгля-

дели тоскливо и неуютно. Шел 21-й месяц войны, а для Чу-гаева это было первое боевое крещение.

ОДИНОЧНЫЙ НОЧНОЙ БОЙ

Зима 1942-1943 года была суровой. Земля на взгорках глубоко промерзла. Несколько дней мела пурга. Наконец погода установилась. Выглянуло неяркое солнце, пробиваясь через разрозненные облачка, которые торопливо уплывали на восток. На командный пункт полка, расположенный в бывшем правлении колхоза, вызвали командиров рот и взводов. Поставили задачу: подготовиться к наступлению. В десять часов утра батальон выдвинулся на передовую позицию. Полк, в котором командовал взводом лейтенант Чугаев, находился во втором эшелоне. В десять пятнадцать началось наступление, после короткой артподготовки подразделения полка пошли в атаку. Бой длился недолго. Стрельба стихла. Немцы оборонялись вяло. Навстречу на плащ-палатках тащили раненых и убитых. Чугаев со своим взводом двигался по дорожкам, протоптанным солдатами полка, ведущего бой впереди. Немецкие окопы представляли собой ледяные снежные глыбы, разметанные разрывами снарядов по полю. Фашисты понимали, что сиденье тут временное и не врезались в мерзлую землю. Впереди виднелся густой лес. Наступление прекратилось. Наступающие выполнили свою задачу – выровняли линию фронта на участке в десять километров. Немцы отошли. Полк второй линии занял немецкие позиции. Разбросанные снежные комья были пропитаны кровью.

Мела сильная поземка. Ветер тоскливо гудел между кусками окровавленного льда. Эти снеговые нагромождения хорошо просматривались со стороны леса. Бойцы были как на ладони. Командир батальона отдал приказ: «От каждого взвода на флангах выставить дозорных с пулеметами. Солдат ответи в ложбинку, там затишье».

Прибыли кухни, накормили бойцов обедом, выдали сухарей, предупредив, что горячая пища – только завтра. Батальону был передан приказ обустраиваться на ночлег.

В лесу наломали лапника, который клали на снег, застилали плащ-палатками и ложились по двое, прижавшись спинами друг к другу. Пара от пары на расстоянии десяти метров. Поляна зачернела редкими бугорками. Командир роты выделил дневальных, от которых потребовал ходить вдоль спящих бойцов и через каждые двадцать минут тормозить их, чтобы они не замерзли, заставляя переворачиваться с боку на бок. Чугаев проверил у личного состава вверенного ему взвода наличие оружия, вещмешков, плащ-палаток, заставил достать из вещмешков теплые шерстяные носки и переобуться. Валенки выбирали с запасом, чтобы можно было надеть толстые носки и навернуть портянки.

Завязав клапаны ушанок под подбородком, накрывшись плащ-палатками, солдаты улеглись. Чугаев, намотавшись за день, обтер обветренное лицо снегом, прилег сам и поплыл в забытыи.

Дневальный, проходя вдоль спящих, стучал длинной пал-

кой по валенкам, требуя перевернуться на другой бок, чтобы боец не простудился, лежа на одном боку. Чугаев никак не мог проснуться и не понимал, почему его больно бьют по ногам. Проснувшись, туго соображая, увидел в темноте человека, стучавшего прикладом винтовки по его валенкам. Спросил: «В чем дело?» Дневальный ответил: «Извините, товарищ лейтенант, думал, что Вы уже окоченели». Чугаев встал. Ноги онемели. Решил размяться и проверить боевое охранение. На востоке чуть забрезжило. Продвинулся вперед. Паролем окликнул свой дозор, тот дал ответ. Посмотрел на часы – скоро надо менять. Подошел к крайнему посту, осмотрелся. Справа находился дозор другого батальона. На возвышении просматривался «Максим», около него боец. Чугаев подумал: «Почему на пароль не ответил? Почему у пулемета только один номер расчета. А где второй? Может замерз?» Из снега слепил комок, долго грел его в ладонях, чтобы при полете не рассыпался. Бросил. Снежок попал в бойца – никакой реакции. Пригибаясь под прикрытием кустов, прошел по взгорью около двадцати шагов. Затем пополз по-пластунски, по рыхлому снегу ползти было неважно. Мешала шинель, одетая поверх фуфайки. Снег набивался в голенища валенок. Когда подполз вплотную к пулеметчику, на лбу у него заметил рану с засохшей кровью.

Мысль работала лихорадочно: «Солдат убит... Кем? Только снайпером. Но где же второй номер расчета?»

Засунул руку за шиворот. Тело было еще теплое, значит,

убит недавно. Отодвинул убитого в сторону. Лег за пулемет и через щель бронешитка стал осматривать местность. Светало. Впереди густой лес. Поближе, справа, группа деревьев, иссеченная снарядами, некоторые вывернуты с корнями, другие, кудрявые, обломлены наполовину – отличная позиция для снайпера.

«Какое принять решение? Отползти назад – значит оставить участок обороны открытым. Остаться на месте, но как сообщить командованию о происшествии». Проверил пулемет в исправности. Заправлен лентой. Лента немного использована, видимо пристреливался на местности по ориентирам. Небо звездное. Поземка утихла, но перед утром мороз усилился. Чугаев, когда полз, вспотел, а сейчас лежа неподвижно за пулеметом начал мерзнуть. Коченела поясница. Через вершины деревьев стал пробиваться рассвет. Чугаев заметил, как из леса осторожно выходили люди; приближались. Расстояние сокращалось. Лихорадочно пронеслось в голове: «Одеты в маскировочные халаты, у некоторых капюшоны надвинуты на лица. Виднелись лишь прорези для глаз и рта. Ясно, что это фашисты. Это или группа захвата, или разведка. Очевидно, снайпер сообщил им, что расчет пулемета уничтожен и путь свободен. Связи нет. Медлить нельзя, остается одно – вести огонь на поражение». Чугаев подумал и о том, что стрельбу услышат дозорные и сообщат командованию. Он прицелился и открыл огонь. Фашисты один за другим падали на снег. Лента кончилась. По-

ка доставал другую и перезаряжал, фашисты, оставшиеся в живых, вскочили и побежали к лесу. Они четко просматривались на фоне леса. Чугаев бил и бил из пулемета и видел, как взмахивая руками, падали враги.

Во время стрельбы пулемет сместился, Чугаев стал его выравнивать. Локоть правой руки вышел за пределы щитка. Чугаев почувствовал сильный удар в руку. В глазах потемнело. Правый рукав шинели намокал от крови. Сознание работало ясно: «Кажется, задачу выполнил, сорвал замысел врага; рану надо перевязать, иначе от потери крови замерзнешь».

Чугаев перекатом скатился под уклон, наткнулся на кусты, около них лежал второй номер пулеметного расчета. Видимо, хотел наломать веток для лежака, а снайпер убил парня.

Падая и поднимаясь, Чугаев по ложбинке продвигался к расположению соседнего батальона и, не доходя несколько метров, упал. Чувствовал, что куда-то его тащили, стягивали шинель и фуфайку, резали рукав гимнастерки, перевязывали. Ему было жаль новую фуфайку и габардиновую гимнастерку. Придя в себя, он увидел, что находится в штабной полудземлянке. На сбитом из досок столе стояло полдюжины телефонных аппаратов. Медсестра заставила выпить немного разведенного спирта. Кто-то из офицеров протянул ему горсть трубчатого табака. Чугаев отказался, сославшись на то, что не курит. Попросил разрешения идти в свой ба-

тальон. Заставили обстоятельно рассказать о его пулеметной стрельбе, откуда появились фашисты, где мог находиться снайпер. Медсестра, женщина в годах, с оспинками по лицу, жесткими темно-кариими глазами, настояла: «Нельзя Вам сейчас двигаться, Вы потеряли много крови. Рукава телогрейки, шинели, брюки и валенки пропитаны кровью. Потерпите, скоро Вас отправим в медсанбат».

Чугаева положили на настил из жердей, застланный ворохом сена. Он прилег. В полуземлянке было натоплено, пахло луговой травой и легким табаком. После суток на морозе показалось, что лучше и быть не может – блаженство. Глаза закрылись. Задремал, но уснуть не мог – боль била в локоть, плечо, голову. Вошел командир батальона, спросил Чугаева: «Ты нашу Машу знаешь?» Чугаев соображал и никак не мог вспомнить – кто это Маша. В его батальоне девушек не видел. Санитарами были студенты мединститута. Ответил: «К моему стыду – не знаю».

– Так вот знай, это наша Мария через час после твоего ранения уничтожила фашистского снайпера, благодаря твоим ориентирам, которые ты сообщил. Ну, ты, лейтенант, смекалист. Более десятка немцев уложил. Будем представлять к награде. Вовремя оказался на том месте, а то беды нам было не миновать. Сонных бы всех перерезали. Спасибо тебе, взводный! О том, что ты ранен и находишься в моем батальоне, я сообщил.

Пришла подвода. Чугаева уложили в сани, отвезли в мед-

санбат. Очистили рану. Пуля прошла в предплечье навывлет, кости не задело. Провели вливание крови и через сутки отправили в тыловой госпиталь.

Бой за высоту 378,2

После окончания в январе-феврале 1943 года Воронежско-Касторинской операции в марте шли бои местного значения по выравниванию линии фронта на Смоленском направлении. Батальонам было приказано возводить долговременную оборону. Взвод Чугаева получил пополнение с Алтайского края. Днем занимались учебой и оборудовали позиции, а вечером на плечах таскали бревна из дальнего леса. Сооружали блиндажи, опорные пункты, огневые точки. На некоторых участках перекрыли ходы сообщения. Впереди выкопали ямы-ловушки для танков, заминировали ручей и склоны холма. Обзавелись мебелью, откуда-то появились старые стулья, столешницы, лампы-семилинейки вместо гильз от снарядов.

Через неделю командиров рот вызвали к командиру батальона. Комбат ставил задачу: «Товарищи командиры рот, вы каждый день видите против себя высоту 378,2. Эта высота не дает покоя нашей дивизии, с нее местность просматривается до семи километров. Фашисты постоянно делают минометные обстрелы. При наступлении наших войск это будет трудный орешек. Она может надолго застопорить наше наступление. Командир дивизии приказал высоту взять нашему полку, мы в первом эшелоне, на острие удара. Изучите обстановку по каргам и данные разведдонесений. Через шесть

часов буду слушать ваши соображения. Разведка доложила: "Местность от лощины до Гривки перед высотой заминирована и пристрелена. От Гривки до вершины триста метров, чистое пространство, без мин, утыканное наблюдательными постами, за ними первая линия окопов, больше для отвлечения, чем ведения боя. Основная линия обороны идет по вершине высоты полукругом, прикрывая и фланги. Тыл шириной метров на сто свободен, видимо, рассчитан на боевое обеспечение и на случай отступления».

Через шесть часов обсуждались варианты боя. Командир первой роты Олег Долгоногов предложил до рассвета без артподготовки, внезапно произвести атаку на правый и левый фланги высоты и при успехе боя на одном из флангов остальные силы направить туда. Командир четвертой роты Илья Черных советовал за мощным валом артогня ворваться на высоту.

Иван Скоморохов, командир второй роты, в которую входил и взвод Чугаева, предложил свой план: «С наступлением темноты атаковать высоту с фронта и флангов. Обязательно любой ценой захватить гривку перед высотой, чтобы туда ночью подтянуть полковую артиллерию и с близкого расстояния вести огонь по флангам противника. Ночью вести отвлекающий бой, чтобы его рота в течение ночи просочилась в тыл противника. С рассветом при поддержке артиллерии роты ведут более интенсивные боевые действия. В это время моя рота с тыла врывается на фланги высоты как менее

насыщенные огневой мощью, опорными пунктами и живой силой. Роты с флангов штурмуют обескровленную высоту. Рота на гребне продолжает вести огонь, отсекая помощь фашистам с флангов.

После захвата нами высоты, немцы организуют контратаку с предварительным огневым налетом, поэтому до контратаки фашистов необходимо ввести на высоту еще один батальон, тогда можно сказать, что высоту удержим и неприятель отведет живую силу на вторую линию обороны, так как враги будут находиться под прицельным огнем с высоты».

Долго спорили. Наконец, пришли к выводу: с некоторыми уточнениями и изменениями вариант Ивана Скоморохова принять к исполнению. Он попросил, чтобы в ходе боя было больше огневой поддержки, не только полковой, но и дивизионной артиллерии, тогда будет меньше потерь.

Через два дня события развивались по сценарию, предложенному командиром второй роты. Кажется, были проиграны все ситуации до мелочей, но дело пошло не так гладко, как хотелось. Во-первых, несколько бойцов из его роты подорвались на минах. Во-вторых, ночной бой заставил неприятеля выставить до взвода солдат с тыльной стороны высоты. И когда с рассветом завязался бой за высоту, роте Скоморохова пришлось подавлять сильное сопротивление. Фашисты не успели закрепиться, вырыли окопы только для стрельбы с колена. По всему было видно, что сюда были брошены тыловики, но на них пришлось израсходовать часть боезапаса,

так что в атаку многие воины шли с немецкими автоматами.

Впереди наступал взвод лейтенанта Чугаева. На тропинках пришлось вступать в рукопашную. На Чугаева, размахивая автоматом (видимо, расстрелял боезапас), надвигался огромный немец. Чугаев надавил на спусковой крючок пистолета – выстрел не последовал. Перезаряжать некогда. Чугаев сгруппировался, наклонился и с разбегу каской ударил фашиста в живот. Ремешок лопнул, и каска покатилась под гору. Фашист скрючился и присел. Чугаев бил его пистолетом по голове пока фашист не повалился на бок.

Захватив два дзота на правом фланге, Чугаев приказал приготовиться к контратаке с тыла. В это время роты, штурмовавшие фланги, ворвались на высоту. Откуда-то взялся красный флаг и запылал в лучах восходящего солнца. Мощное «ура» покатилося по округе.

Ординарец Чугаева Ахмет Моисеев, который всегда представлялся «я крещеный татарин», притащил каску и попросил Чугаева ее надеть. Чугаев отнекивался, после удара головой в ушах стоял шум и немного подташнивало. Ахмет просил: «Товарищ лейтенант, нельзя без каски, немец сейчас начнет минометный обстрел и контратаку». Не прошло и десяти минут как посыпались мины. Минометный огонь был очень плотный. Мины взрывались одна за другой. Ахмет навалился на своего командира и прижал его к земле. Одна из мин упала рядом. Барабанной дробью застучали осколки по каске. Резкая боль обожгла левый висок. Чугаев сдер-

нул каску, она была во вмятинах от осколков, а один, видимо, пробил каску, шапку и застрял в голове, чуть выше виска над глазом. Кровь заливала глаза, тошнило. Подбежал санинструктор, пробовал вытащить осколок пинцетом, но он крепко сидел в кости. Попросил положить на носилки и срочно в медсанбат.

Чугаев запротестовал: «Я дойду сам». Санинструктор потребовал: «Товарищ лейтенант, сейчас я командую, пожалуйста, подчиняйтесь. У Вас сильное кровотечение. Я не могу его остановить».

Красноармейцы спустили его на носилках вниз, там положили на бричку, которая подвозила боеприпасы на высоту. Через час он был в медсанбате.

Старшая операционная сестра сообщила: «Осколок глубоко в кости. Нужна операция, придется с боков подолбить, чтобы извлечь осколок. У нас кроме спирта никакого болеутоляющего нет. Нет даже воды, чтобы спирт развести, ее израсходовали, обрабатывая раны. Придется, юноша, выпить неразведенный».

– Если необходимо, то я исполню, хотя и не пьющий.

Выпив полкружки спирта, почувствовал сильное жжение в носоглотке, а через пару минут провалился в забытие. Часа через четыре проснулся.

Начальник медсанбата сообщил: «Вот и замечательно, что бодрствуете. Кровотечение остановлено, а осколок можете взять на память. Это Танечка Рожкова поработала на сла-

ву. Когда-нибудь посмотрите в зеркало и увидите, какие она Вам рисуночки над глазом сделала. Ночуйте у нас, а завтра отправим в полевой госпиталь. Голова – дело серьезное». Выпив горячего чая, Чугаев снова уснул. Перед утром проснулся, сердце тревожно билось.

«Что же я тут разлеживаюсь, как там мои бойцы, отбили ли атаку, хорошо ли врылись в землю?» – думал Чугаев. Тихонько, чтобы не разбудить дневального, сладко похрапывающего на табуретке у входа, вышел из палатки и направился в свою роту на высоту 378,2, где батальон отбивал контратаку...

В 1968 году Александра Петровича Чугаева пригласили на 25-летие освобождения Калуги.

Городской Дворец культуры переполнен. Защитников и освободителей Калужской земли вызывают для вручения подарков и грамот. Настроение приподнятое, болезни отодвинулись, болячки приутихли. Чугаев в списке оказался последним. Диктор объявляет: «Командир роты, кавалер ордена Красной звезды, старший лейтенант Чугаев Александр Петрович».

Возвращаясь на свое место, Чугаев увидел, как между рядами навстречу ему пробирается седовласая миловидная женщина. Ухватила Александра Петровича за рукав и переспрашивает: «Вы – Чугаев? Это правда, что Вы тот самый Чугаев?» Обняла, стала гладить шрам выше глаза. «Это я Вам швы накладывала. Я Вас запомнила. Во-первых,

необычная фамилия, а во-вторых, мне за Вас тогда попало. Вы же без разрешения покинули санбат. Запись есть, что Вас приняли, а куда отправили – нет. Рада за Вас, что Вы такой молодой, энергичный и видный». Тамара Семеновна Шевелёва в тот вечер больше не отходила от Александра Петровича, до отъезда его домой. Говорили, говорили – вспоминали свою боевую молодость.

Стоя у окна поезда, Александр Петрович думал: «Какая неожиданная встреча, сколько их, молодых и красивых девушек, не вернулось с фронта. Непосильную ношу несли, выполняя свой долг, по-матерински заботились о воинах, отдавая им все тепло своей души. Это еще одна из причин победы в Великой Отечественной войне. Русские женщины умели ждать и верить, нести добро и животворящее начало людям».

Боль

Апрель 1943 года. Ветер гонит рваные, хмурые тучи на запад. Морозит. Лужи покрываются ледяной коркой. Вечереет. Лейтенант Чугаев отлежал в госпитале полтора месяца после контузии и ранения в голову. В штабе полка получил предписание в свой родной 2-й стрелковый батальон. На складе получил новое зимнее обмундирование: две пары теплого белья, офицерские яловые сапоги, фляжку спирта, табачок. Вещмешок набрался под завязку. Полюбовавшись на новенький офицерский планшет, Чугаев набросил плащ-палатку и отправился в сторону батальона, который занимал позиции вдоль речки Болва. Впереди темнело огромное поле, изрытое воронками от мин, снарядов и бомб, которые оспинами просматривались через залитую водой равнину. Кое-где виднелись уцелевшие после недавних ожесточенных боев деревья. В штабе предупредили, если напрямик, то до расположения батальона – три километра, а если по дороге – огромный крюк в семь километров. Прямо по болоту -тропа. По ней есть вероятность добраться быстро, но надо быть очень осторожным, чтобы не попасть в воронку, заполненную водой.

Вооружившись огромной суковатой палкой, Чугаев решил идти напрямик. Сверху свинцовые тучи, внизу искромсанная земля с искореженными одиночными деревьями –

все навевало тоску.

Сердце сжалось от боли за родную землю. Подумал: «Сколько еще может страдать и терпеть земля-кормилица, когда она вздохнет полной грудью?» Вспомнились старенькие родители на Урале, босоное детство, когда они с малышкой бегали по теплому прибрежному песку Камы. Все осталось в прошлом, а сейчас надо было освобождать родную землю от врага. Как только застучал палкой по тонкому льду, думы отошли назад. Надо было двигаться вперед и постараться не провалиться в яму-ловушку. Наловчившись пользоваться батоном, быстро зашагал вперед, выбирая не залитые водой поляны.

Через полчаса ходьбы он увидел впереди человека, идущего зигзагами, который часто останавливался, видимо, присматривался к местности и снова неуверенно двигался вперед. Пошел мокрый снег. Чугаев ускорил шаг. Когда до человека оставалось метров сто, Чугаев хотел окликнуть, чтобы его подождали - вместе легче выбирать дорогу, но фигура взмахнула руками и исчезла. Чугаев догадался, что человек провалился в яму. Прыгая с кочки на кочку, подскочил к воронке. Увидел барахтавшегося в воде бойца. Шапка ушанка, подвязанная под подбородком, то уходила под воду, то высывалась, руки хватались за кромку воронки и соскальзывали. Чугаев ухватил тонущего за рукав шинели и потащил. Ноги скользили. Тянуть было тяжело. Одежда пропиталась водой. Вытащив, он развязал клапаны ушанки. Из-

под шапки высыпался пучок русых волос. Чугаев удивился: «Господи, да это же девушка». Как учили в училище, перегнул через колено и стал выкачивать воду. Девушку вырвало. Интенсивно провел тренаж искусственного дыхания. Услышал голос: «Пожалуйста, потише, больно».

Чугаев обрадовался: «Слава Богу, откачал». Спросил парочку. Ответила. Побежал к кустарнику, наломал ворох веток, посадил на них девушку-лейтенанта и стал снимать с нее мокрую шинель. Девушка возмутилась: «Что Вы делаете?» Чугаев приказным тоном потребовал: «Товарищ лейтенант, сейчас здесь я спасатель и прошу мне подчиняться: снимайте с себя мокрую одежду, и немедленно, иначе простудитесь». Воткнул в землю четыре больших прута, набросил на них плащ-палатку. Достал из вещмешка запасное фланелевое белье, гимнастерку, шерстяные носки и попросил переодеться. Застыдившись, девушка прикрыла по-детски пухлое лицо руками и ответила: «Хорошо». Когда девушка переоделась, накинул на нее свою шинель и шапку. Мокрую одежду развесил на кусты. Достал из вещмешка фляжку со спиртом.

Что Вы, я не пью!

Товарищ лейтенант медицинской службы, надо обязательно, иначе заболите воспалением легких, а это очень опасно.

Чугаев набрал в алюминиевую кружку снега, налил туда спирта и заставил выпить. Темнело. Идти было опасно. Решили дождаться рассвета.

– Давайте знакомиться. Я командир взвода второго батальона 561-го стрелкового полка, лейтенант Чугаев Александр Петрович, воюю с зимы 1942 года. После госпиталя направляюсь в свою роту.

– Я Оксана Ивановна Трегубова. Можете звать Оксана. Как *видите*, лейтенант медицинской службы. После третьего курса сдала экзамены экстерном. Попросилась на фронт. Хирург. Направляюсь в медсанбат. Не знаю, справлюсь ли. Опыта маловато, побаиваюсь. Практики всего два месяца при фронтовом госпитале.

По прибытии в роту Чугаева направили к особисту. Спрашивали, почему опоздал батальон на восемь часов. Заставили написать объяснительную, Чугаев подробно описал события прошедших суток, указал, как спасал лейтенанта медицинской службы. К вечеру особист сообщил, что факты, изложенные в объяснительной, подтвердила лейтенант Трегубова. В перерыве между боями Чугаев вспоминал Оксану. Припала к сердцу. Через бойцов, отправляющихся в санбат, передавал короткие письма-записки.

На Смоленском направлении Чугаев постоянно был в боях. Осунулся, простыл. Прихватил воспаление легких. Знобило, температура за сорок. Комбат Багданов приказал: «Немедленно в санбат!» Попросил адъютанта сопроводить его до санбата, боясь, что по дороге упадет и замерзнет. Шел и мечтал наконец-то встретиться с Оксаной. Вспомнил, что утром видел, как группа немецких бомбардировщиков про-

летала над лесом и нанесла бомбовый удар за холмом. Обогнув пригорок, Чугаев увидел ужасающую картину. Солдаты баграми растаскивали дымящиеся бревна сараев, в которых был оборудован санбат. Спросил старшину, который командовал бойцами: «Вы не подскажите, к кому мне обратиться? Приболел, кажется, воспаление легких, что мне сейчас делать? Может отправиться обратно в свой батальон?».

– Ни в коем случае. Сейчас подвезут зимние палатки, к вечеру госпиталь будет функционировать, а пока зайдите вон в ту землянку, над дверями которой прибит шест. Там сделают Вам укол. Англичане поставили отличное лекарство, называется пенициллин. Три дня – и температуры нет, неделя – и вы забудете, что были на грани жизни и смерти».

– Товарищ старшина, еще один вопрос. Знаю, что у Вас в санбате была лейтенант Трегубова, ее увидеть можно?

Старшина снял ушанку, рукавом вытер катившуюся по щеке слезу и ответил: «Нет лейтенанта Трегубовой, нашей Оксаночки. Прямое попадание. Хоронить некого. Один планшет остался, в котором записки от какого-то лейтенанта Чугаева». Чугаев хватал морозный воздух. Спазм сдавил горло. Резкая боль ударила под левую лопатку. Боль сжимала сердце, не давала дышать. Чугаев машинально расстегивал и застегивал бушлат.

Схватил старшину за плечи и закричал: «Этого не может быть! Господи, да что же это такое!», – заревел навзрыд, как будто потерял самого близкого и родного человека. За пол-

года боев терял друзей, хоронил бойцов своего взвода. То было как сон, а это явь. Дни и ночи нечеловеческого нервного напряжения вылились в этом крике.

Старшина, где планшет?

В землянке, сейчас принесу.

Чугаев узнал свой планшет, который подарил Оксане при расставании. Боль в сердце усилилась, как будто кто-то прожигал его раскаленным прутом и набивал на голову железный обруч. Бум! Бум! Бум! Чугаев, изнемогая, присел на ящик из-под медикаментов. Под целлофаном планшетки по углам лежали два его треугольника, а посередине раскрытая последняя записка, в которой он писал, что очень и очень хочет видеть ее и желал бы всю жизнь сидеть у камелька с ней рядом, прижавшись друг к другу, как в ту ночь. Чугаева трясло, боль не отступала. Попросил у старшины спирта. Налил полкружки, насыпал снега, размешал щепочкой, позвал старшину.

– Старшина, давай помянем Оксану.

– Товарищ лейтенант, она мне за дочку была. Часто вспоминала Вас и рассказывала, как Вы ее спасли. Там беда миновала, а тут погибла. Хирург была от Бога.

Выпили. Чугаев почувствовал, что слабеет. Боль в сердце не проходила.

Старшина, плохо мне, отведи в землянку. Позови кого-нибудь из медперсонала. Пусть быстрее сделают хваленый укол пенициллина.

Не волнуйтесь, товарищ старший лейтенант, мы Вас быстро поставим на ноги.

Чугаев после укола провалился в глубокий сон, но боль в сердце осталась на долгие годы...

Отмечая 60-летие Победы, Чугаев с болью вспомнил Оксану и ночь на болоте, когда они, дрожа от холода, спинами прижавшись друг к другу, коротали время.

Много их, молодых девчат, не дожили до победы, не оставили о себе памяти продолжении рода.

Танковая атака

С мая по июль 1943 года крупномасштабных активных боевых действий не велось, за исключением боев местного значения по выравниванию линии фронта. Наступило относительное затишье, обе стороны готовились к сражению за курский выступ. Каждое утро командир батальона прояснял оперативную обстановку. Изучали по карте оборону противника. На занятиях рота отработывала варианты наступления и взаимодействия взводов, отделений. Подгоняли новое обмундирование. Солдаты шутили: «В новых кирзачах дойдем до Берлина». Настроение было приподнятое. Бойцы рвались в бой. Засиделись.

Чугаев на фронте досконально освоил тактику наземного боя. Младших командиров, которые воевали с самого начала войны, планировал отправить на курсы или в училище. При беседе кое-кто отказывался, ссылаясь на то, что после войны их могут надолго оставить служить, а у них есть интересная гражданская специальность. Чугаев добился того, что командирами отделений в роте были назначены бывшие солдаты его взвода. Он знал, что на них можно положиться.

Получая письма из дома, в которых сообщали о погибших на фронте его родственниках и соучениках, Чугаев думал: «Как могло получиться, что в центре Европы зародилось такое чудовище, как фашизм, который несет разрушение и ги-

бель множества людей?» Хотелось мстить не только за родных и близких, но и быстрее раздавить эту гадину, чтобы больше никогда она не появилась на земле.

3 июля 1943 года полк занял отвоеванные у противника позиции по ширине в три километра. Эти укрепления не годились к новой дислокации, они располагались на восточном склоне увала. Пришлось срочно делать рекогносцировку по западной стороне холма в направлении противника. Грунт был песчаный, окопы рылись легко, но быстро осыпались, пришлось стенки укреплять кольями, переплетая их прутьями. Досок или бревен поблизости не было. Разбирали немецкие блиндажи на оборудование своих опорных пунктов.

Хлопот при создании новой линии обороны было много: рыть окопы в полный рост, зигзагообразные ходы сообщения, ниши для снаряжения, командирские землянки. За сутки не управишься. Чугаев понимал, что немцы рядом, за ложиной, по которой протекал ручеек, да и местность им хорошо знакома. Долго сидели в обороне. На ночь выставил усиленные посты, выдвинул вперед дозоры. В дозор он всегда отправлял двух братьев казахов Елегена и Каиржана Едыгеновых, отличающихся стойкостью и исполнительностью. Чугаев знал, что при любых обстоятельствах они задачу выполнят. «Командир приказал», – других слов они не знали. Один из братьев, Елеген, до войны был директором начальной школы, по-русски говорил сносно, коммунист, но заповеди ислама исполнял исправно.

На партсобраниях стыдили их, а они отвечали: «Деды, прадеды так жили и веровали, тут плохого ничего нет, только строгость и справедливость». Чугаев в мусульманские праздники угощал их галетами и сгущенкой. Труднее приходилось, когда у них пост, днем голодали и только с закатом солнца принимали пищу. Чугаев в эти дни просил солдат с кухни оставлять им еду на ночь. Такие ночи для них – время бодрствования. Слух у них был исключительный и стрелками они были непревзойденными во всей дивизии.

В ночь с 3 на 4 июля братья Едыгеновы были в дозоре. Ночью Чугаев решил проверить посты и дозоры. Братья давно слышали, как командир двигается от одного поста к другому. Каиржан подполз к Чугаеву и, дергая его за шинель, заставил присесть, прошептал на ухо: «Товарищ командир, надо очень-очень тихо. Впереди немцы лазают, переговариваются. Это или разведка, или за языком охотятся». Чугаев приказал Каиржану: «Попробуйте хоть одного фашиста прихватить». Отполз назад заставил ординарца Чале передать по постам и дозорам условный знак «опасность». Снова пополз в сторону братьев Едыгеновых. Заметил копошение. Вскоре братья подтащили фашиста. Чугаев велел доставить его в землянку. Когда достали кляп, немец забормотал: «Нихт СС... Гитлер капут!»

В ходе допроса выяснилось, что это австриец, учитель истории, социал-демократ, мобилизован этой весной. Он объяснил, что фашисты нагнали много тяжелых танков, но толь-

ко на их участке. Его друга, командира роты, вчера вызывали в штаб полка. Тот рассказывал ему, что видел танки только в одной деревне, стоят замаскированные за домами, а в других поселках пусто, что только их полку поставлена задача – взять обратно эти высоты. Их группе приказано узнать расположение позиций и минных участков. Ночью они заблудились и вышли к нашим окопам.

Чугаев доложил командиру батальона. Он приказал срочно доставить пленного в штаб полка, и к рассвету привести батальон в боевую готовность. Объяснил, что фашисты что-то хитрят, возможно, специально подослали лазутчиков с ложной информацией. Возможно, фашисты хотят взломать нашу оборону и нанести мощный удар, но по докладу пленного это больше всего походит на тактический, а не стратегический замысел.

Данные полковых и армейских разведок совпали. Сосредоточение вражеских войск шло на узком участке, силами примерно одной дивизии. Больше это походило на отвлекающий маневр, чтобы скрыть нанесение главного удара.

Чугаев отдал распоряжение командирам взводов быть готовыми к бою. Дозорных и постовых вернул в окопы, выставив вперед одних наблюдателей, меняя их через каждый час.

Начало июля. Самые долгие дни, солнце только успеет спрятаться за горизонт, как снова выходит. Оранжевый шар медленно поднимается из-за леса. 6.00. Приказано занять боевые позиции.

В 6.15 земля вздрогнула от разрывов снарядов. Чугаев видел, как склоны холма покрылись султанами поднятой земли, огня и дыма. Земля ходила ходуном. Солдаты попрятались в ниши, там меньше поражений от осколков. Целый час длился артобстрел. Чугаев без конца терял связь с взводами. Не успел получить доклады о потерях, как солнце закрылось тучей вражеских самолетов. Больше сотни стервятников пролетело над позициями полка. Бомбы падали сплошной стеной. Земля гудела и стонала от взрывов. Группа за группой заходили для бомбометания. И в это же время из-за леса выползали огромные стальные чудовища, новые фашистские танки – «Тигры» и «Пантеры». Прикрываясь ими, двигалась вражеская пехота. Чугаев осмотрелся. После артоналета и бомбежки окопы разрушились, обсыпались. Расстояние сокращалось. Чугаев передал: «По танкам бутылками с зажигательной смесью! Отсекать и уничтожать пехоту автоматным огнем и гранатами!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.